

Письмо Аркадия Кирсанова профессору Людвигу Бюхнеру

По произведениям И.С. Тургенева «Отцы и дети» и книгам Л. Бюхнера «Сила и материя» и «Макробиотика, или Искусство долго жить».

Марта Эзериня, 10 класс, Санкт-Петербург

Номинация «Свободная литературная форма»

19 сентября 1893 года

N-ская губерния

Достопочтенный профессор Бюхнер, бесконечно благодарен Вам за труды «Сила и материя» и «Макробиотика, или искусство долго жить», поскольку чтение оных помогает мне в повседневных заботах, придавая им смысл более возвышенный, нежели житейский.

G-н переводчик Ник.Ник. Полилов прекрасно знает немецкий и русский языки и любезнейше согласился сделать перевод моего к Вам письма.

В книге «Сила и материя» Вы изволили привести цитату из Ньютона: «...взгляд, брошенный в прошедшее, дает нам право на самые смелые надежды в будущем.»

И я отважился, достопочтенный господин профессор, обратиться к моему прошлому и с благодарностью рассказать Вам, какую помощь оказали Ваши труды в созидании нового из руин былого.

Что до меня, то я вышел из Императорского Санкт-Петербургского университета кандидатом по разряду естественных наук и вернулся в имение моего батюшки Николая Петровича (Царствие ему Небесное).

Шел тогда год 1859 –й. Батюшка мой был романтик. Ведь могут быть поэты в душе и в жизни, хотя и не в книгах.

Имение и хозяйство предстали предо мною разорёнными почти безнадежно, хотя и незаброшенными.

Как бы я желал, чтобы в университетах обращали более внимание на полезное, существенное, необходимое, отбросив то, что отжило век свой!

Хорошее имение в двести душ, или, как говаривал батюшка, размежевавшись с крестьянами, «ферма», — в две тысячи десятин земли.

В 1848 году, едва оправившись после кончины моей матушки, он собрался было за границу — но поневоле вернулся в деревню: выезд был в ту пору очень труден. После довольно продолжительного бездействия, чтобы хоть как-то развлечься, занялся хозяйственными преобразованиями.

Занялся усердно, да как это делается, толком не знал. И сколько лет жизни эти преобразования занять могут, не считал. А чем эти преобразования заменить, если что-нибудь не путем пойдет, и по давню не задумывался. Доходы и расходы в учетную книгу записывал, да выходили все больше расходы. Был и вклад в банке у него когда-то, слава Богу, забрать его оттуда успел прежде, чем тот разорился.

Хлопоты большие у батюшки были в том году, когда я приехал. Крестьяне оброка не платили. Своими наемными работниками он был доволен, но настоящего старания у них не наблюдал.

Приказчика он сменил и решил больше не держать у себя вольноотпущенных, бывших дворовых или, по крайней мере, не поручать им никаких должностей, то есть ответственность.

Он не хотел держать при себе крепостных людей и искал наёмных.

Наш лес батюшка продал — деньги были очень нужны. Лес собирались сводить. А мой друг, гостивший у нас тогда, говорил, что «природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник».

Долгов батюшка не делал, но и выгод своих не понимал. Сбережений не имел никаких. А расходы у него случались большею частью внезапные.

И подумалось мне тогда, что преобразования необходимы, но как их исполнить, как приступить?

Мой добрый друг говорил, что батюшка у меня добрый, но в хозяйстве вряд ли смыслит. Размежевавшись с крестьянами, батюшка построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца, но молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солоноватого вкуса.

Батюшка спрашивал совета моего друга в агрономических работах и удобрении полей. Жил в имении и дядюшка — Павел Петрович, брат отца.

Дядюшка не раз выручал отца из беды, отдавая ему все свои деньги. Имение было не разделено.

Новый управляющий приходил к моему дядюшке Павлу Петровичу жаловаться, что работники вовсе от рук отбились.

На дядюшку хозяйственные дразги наводили тоску. Он давал деньги брату — не в долг, а из любви и больше никогда о них не спрашивал.

Недавно заведённое на новый лад хозяйство трещало, но батюшка не унывал, хоть и чувствовал, что без денег дело не пойдёт, а деньги у него почти все перевелись.

Друг мой Евгений Базаров, вскоре покинувший этот мир, говорил, что в заведениях моего батюшки и скот плохой, и лошади разбитые, и мужики его непременно обманут. Есть у нас такая поговорка: «Русский мужик Бога слопаёт. Но он рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке». Хочу заметить, distinguished господин профессор, что ничего подобного я не слышал в путешествиях моих по Германии.

Батюшка рук не опускал и меня этому научил. Вскоре мы оба женились, а дядюшка уехал за границу. Сказал, что ненадолго, но оказалось, как это часто бывает, навсегда. Некоторую сумму он нам оставил на «обзаведение».

Батюшка радовался, что он теперь не один и доверил мне распоряжаться имением. И появилось у меня, как Вы, distinguished профессор, изволили написать, сознательные чувства и желания. Я чувствовал свою ответственность как никогда ранее. Материя и мысль соотносятся одна с другою, мысль становится материей, но и материя — мыслью.

Ассигнация — это материя, прежде чем ее получить, человек размышляет, как это лучше ею воспользоваться наилучшим образом и не потерять.

Внешние впечатления непременно участвуют в формировании наших мыслей. Но ведь и пример других — это область внешних впечатлений.

Размышляя об этих впечатлениях, я отказался от идеи повторить чужие успехи, но делать все, что считаю разумным и правильным. На то нам и дано самосознание, чтобы понимать, где «я», а где «не я». Ведь то, что хорошо другому, мне, может стать, вредно.

Я выписал «Газету для сельских хозяев». Это было как раз то, что нужно для нас, помещиков. Публиковала она правительственные распоряжения в области сельского хозяйства и крестьянского вопроса, да к тому же «Листок народных нужд» — как улучшить быт крестьян и обучить их грамоте.

Вы пишете, господин профессор, воля человека тем сильнее, чем выше его духовное развитие и образование. В числе причин преступлений Вы назвали бедность и отсутствие образования, а проповедниками нравственности — воспитание, образование, благосостояние и свободу. Свободу крестьяне получили — да куда с ней необразованному и бедному?

И я начал с того, чего мой любящий отец не умел вовсе. Я начал планировать и отыскивать разные способы устроить так, чтобы доходы не были менее расходов. Батюшка понимал, что наемные люди должны быть ответственными, а потребовать с них не мог, и деньги, будто в песок, уходили. Как и батюшка, все расходы и доходы я записывал в книгу. Но требовал

еженедельного отчета от управляющего. Сначала он только глазами туда-сюда шнырял, и недостача была. Пришлось пригрозить хитрецу, что если такое повторится, в суде будем беседовать. Еще я ему растолковал, что ведь можно его и уволить. И на всю округу ославить. А земля слухом полнится, и работы после этого он не найдет вовсе. Он натерпелся страху, но отчет научился давать вовремя и аккуратно. Что ж, если нет в нем страха Божьего, то пусть будет страх человеческий.

Часть денег, дядюшкой нам оставленных, я вложил бессрочно в Государственный банк под небольшие проценты. Очень мне понравился его новый устав, что «вклады, вверенные Государственному банку, не подлежат ни описи, ни отчуждению по каким бы то ни было взысканиям», и что «вклады эти, равно как и собственные капиталы банка не могут быть обращаемы на государственные расходы». И не прельщался обещаниями слишком высоких доходов от частных банков. И никогда заемными деньгами не пользовался, чтобы вложение сделать.

Проданный батюшкой лес сводить собирались. И я взялся за устройство маленького лесопильного завода. Покупателям ведь гораздо проще, чтобы деревья распиливались неподалеку. Распиленными их проще перевозить, ведь железной дороги в наших краях по-прежнему нет.

Моя супруга Катерина Сергеевна решила часть того капиталца, который сестрица для нее к свадьбе приберегла, вложить в золотые и серебряные слитки, что оказалось делом весьма выгодным.

Для собственного своего удовольствия и пользы детей устроили мы пасеку.

Уход за пчелами получили известному у нас пчельнику и не скупилась на оплату его работы. Как говаривал наш уважаемый губернатор, «каждая пчёлочка с каждого цветочка берет взяточку».

Тем, кто на ферме работает, это строго запрещено. Да и необходимости такой нет — получилось устроить так, что наградою за свои труды все довольны.

Жизнь и здоровье — главные наши сокровища. Эту мысль нашел я несколько месяцев назад в другой Вашей книге «Макробиотика, или искусство долго жить». Мы очень дорожим этими сокровищами. Поэтому решили не переселяться в город, остались на «ферме». Вместе с супругой всегда оберегали наш брак. И старались делать, сколько могли, чтобы наши дети полезным вещам от нас научились.

Мне 54 года. И мы с супругою надеемся, пользуясь Вашими советами, прожить еще долго.

Дела наши очень давно поправились, хозяйство приносит значительный доход.

Очень сожалею, что не имел удовольствия Вас видеть.

Надеюсь на несколько строк от Вас.

С истинным почтением остаюсь навсегда

Ваш покорнейший слуга

Аркадий Кирсанов